

0

СЛОВЪ БОЯРИНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Ю. Венелина.

МОСКВА.

1847.

СЛОВЪ БОЯРИНЪ.

Созаненіе

дѣйствительнаго члена

ИМПЕРАТОРСКАГО

Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ;

Ю. Венедикта.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1847.

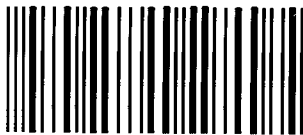
*Въ бібліотекѣ Московскаго Публичнаго
и Императорскаго Музея отъ Ст. Сов.
Ивана Мамаръ, въ 1869 году.*

По опредѣленію Общества. Мая 31-го дня, 1847 г. Москва.

Секретарь О. Бодянский.

ИЗДАНИЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.

2007056738

СЛОВЪ БОЯРИНЪ.

Въ Польской книжкѣ (1834 г.) Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія помѣщена статья (стр. 58—71) Казанскаго Профессора Г. Булыгина „О происхожденіи наименованія Бояринъ или Боляринъ.“

Сперва излагаетъ онъ различныя мнѣнія :

- 1) *Татищева* и *Болтина*, которые слово *Бояринъ* производятъ отъ Сарматскаго (!) *Поарикъ* ;
- 2) *Успенскаго*, изъ *бой* и *ярий* ;
- 3) *Карамзина*, проето, отъ *бол* ;
- 4) Сочинителя Исторіи Русскаго народа, только указанія на чужія мнѣнія ;
- 5) *Г. Булыгинъ*, желая изложить свое мнѣніе, говоритъ, что, „если производить слово *Бояринъ* изъ чужеземнаго языка (какъ дѣлали *Татищевъ* и *Болтинъ*), то, на томъ же основаніи, можно произвести и отъ Норманскаго *Ярль* (собственно, *арль*, *earl*),“ и, въ слѣдствіе этого, пересчитываетъ, въ сочиненіяхъ Кокереля, Капфига и Тьерри, мѣста, въ коихъ упоминается слово *ярль* (графъ), на что намекаетъ и сочинитель исторіи Русскаго народа (62—63).

„Не смѣтря, однако жъ, на выставленнос сходство Бояръ съ Ярлами,“ продолжаетъ Г. Булыгинъ, „производство первыхъ (*Бояринъ*) отъ послѣднихъ (*earl*) было бы нѣсколько странно, заключающая въ себѣ половинну корня изъ языка Славянъ, а другую изъ языка Скандинавовъ. Хотѣе бы можно было всякому принять совокупленіе двухъ однородныхъ словъ, приведенныхъ изъ Опыта (Успенскаго) о Росс. Древн., т. е., *бой*, *ярий*.“

„Но, по моему мнѣнію, нѣтъ никакой нужды брать въ помощь второе слово, а ездуетъ инымъ образомъ пояснить догадку Карамзина и прочихъ, какъ подходящую къ истинному источнику, но еще недоказанную, и отъ того остающуюся въ области сомнѣнія.“

„Чтобы привести въ надлежащую яеность такое слово-производство, нужно обратиться, во первыхъ, къ *формованію* наименованія *Бояринъ*, а во вторыхъ ко *сличенію* его съ другими подобнаго рода реченіями.“

„Тогда откроется ясно, что *бой* еоставляетъ первую половину слова, а *ринъ* вторую.“ Это все, отчасти, *резонабельно*.

Г. *Булыгинъ* справедливо замѣчаетъ, что *Бояринъ* образовалось по той же формѣ, по которой и *дворянинъ*, *мірянинъ*, *поселлинъ*, *горожанинъ* и проч. Казалось бы, что достаточно было этого указанія этимологическаго; и не понимаю, почему Г. *Булыгинъ* поставилъ себя въ обязанность объяснять и доказывать, почему въ словѣ *Бояринъ* паходится буква *р* (стр. 65—69). Вопрось очень мѣлочень, а объясненіе ему дано весьма пеловкое. Слѣдовало въ словѣ *Бояринъ* отличить двѣ формы Славянскія—Этимологическія *арь* или *ярь* (*писарь*, *овчарь*, *млшарь*), и *инъ*; тогда бы вышло *бой*, *боарь*, *боаринъ*. Однако же, производное отъ *бой* ни въ просторѣчій Русскомъ, ни въ пнемненныхъ памятникахъ никогда не встрѣчается на *ярь*, а на *ецъ* (*боець*); елѣдственно, это слово не существовало, ибо не происходило отъ *бой*, или, по крайней мѣрѣ, оно не Русское. Кроме того, Рускіе полель *арь* никогда не налагаютъ формы *инъ* или *линъ*; наконецъ, эту послѣднюю форму Рускіе употребляютъ только въ емыслѣ матронимическомъ (*баба* — *бабинъ*), или для указанія на мѣсто пропехожденія (*Дворъ* — *Дворининъ*, *городъ* — *горожанинъ*, *Кіевъ* — *Кіевлянинъ*, *вм.* *Кіевецъ* и проч.). Но въ словѣ *Бояринъ* не видѣтъ ни тотъ, ни другой случай. И такъ, это слово принадлежитъ не Русскому, а какому-либо другому Славянскому нарѣчію. Поеему

б) Я долженъ бы изложить, въ конецъ, свое еобственное мнѣніе; но, если мнѣніе есть не иное что, какъ только догадка, то я удержуеь отъ подаванія мнѣнія, и удовольствуюсь указаніемъ на подлинныя факты отноентельно образованія и введенія въ употребленіе этого двухъ-формнаго слова.

Слово *Бояринъ* пишется, и пшалось, *Болъринъ*; произноентся и *Болеринъ* и *Боляринъ*. Слово это принадлежитъ Болгарскому нарѣчію, въ которомъ, нынѣ, *Болъринъ* означаетъ то, что мы понимаемъ подъ словами *Господинъ* или *Баринъ*. *Болъринъ* употребляютъ Болгаре и подъ другою формою: *Болърець*; при-

лагательное : *Болърскій*. Сколько помню, приведу этому примѣры :

Въ Варнѣ посѣщала меня одинъ офицеръ въ мое отсутствіе изъ дому; хозяйка дома, Болгарка, докладываетъ мнѣ: *Тукъ дойде единъ болърецъ, та вы пыта; пакъ азъ му казахъ, чи отъи-дохте на монастырь*, т. е., Здѣсь былъ одинъ Господинъ, и спрашивалъ васъ; а я ему сказывала, что вы ушли въ монастырь. Одинъ Разградскій уроженецъ, *Столигъ Мишко*, рассказывалъ мнѣ, какъ онъ видѣлъ одного корпуснаго командира, окруженнаго офицерами: *Тай стояше Генералецъ со съ много болпри*. Другой, рассказывая, что квартировалъ у него офицеръ, для означенія сего Штабъ-офицерской стеници, прибавилъ; махнувъ себя рукою надъ плечомъ: *Той бѣ по-голтмъ болпригъ*, т. е., онъ былъ больше Господинъ (чиновникъ), нежели другой, какихъ много, въ плоскихъ эпюстахъ. Третій повѣствовалъ, какъ онъ пасъ въ молодости, около *Куприщицы*, въ Македоніи, Пашинскихъ лошадей, и какъ напали на нихъ (пастуховъ) кырджалинъ, *та избише два конпріе, та уведше болпрски* (т. е., Пашинскіе) коніе.

Однако, выраженіе „Государь мой,“ или „Сударь,“ Болгаре, въ просторѣчій, переняли Турецкое: *Еффединъ*, на примѣръ: *Не знамъ, еффединъ, колко има желтици*, т. е., Не знаю, сударь, сколько у него червонцевъ.

Слово *болпригъ* происходитъ отъ сравнительной степени прилаг. *великій*, т. е., отъ *болте* или *болший*. Простой народный смыслъ (образъ мыслить) обыкъ выражать всякое преимущество, силу, власть, болѣе естественными и причинными изъ тѣхъ прилагательныхъ, которыя у него находятся подъ рукою; я хочу сказать, прилагательными *великій, старый, высокій*, или, лучше и естественнѣе, сравнительною ихъ или превосходною степенью: *болший, старшій*, или *старѣйшій, высшій, лучшій*. Всякій народъ, всякое племя, выбираетъ, для выраженія своей идеи, одно изъ этихъ, или другихъ, подобныхъ имъ, прилагательныхъ; приложитъ форму словопроизводную, свойственную его нарѣчью, и имя готово. Такъ, на примѣръ, Южно-Русскій народъ, подъ выраженіемъ: *онъ его старшій*, подразумеваетъ: онъ его начальникъ. Вотъ почему Южане имѣютъ чиновное: *староста*; Сѣверяне: *старшина*, или *старѣйшина*. У Нѣмцевъ этому есть буквальный переводъ въ словъ *Graf* или *Grav*; у Итальянцевъ, *Signor*; у Французовъ, *Seigneur*, оба отъ *Senior* и *Senator*, Ла-

тинскаго. Другіе предпочитаютъ другое прилагательное, на пр., *великій* или *болыій*, которое выражаетъ вмѣстѣ и старшинство и силу (кто между вами больше, тотъ пусть и дѣлаетъ вамъ расправу), такъ что *величіе* или *величество* выражаетъ высшую степень власти, силы, чиновложенія. Такимъ образомъ, въ средніе вѣки, Европейскіе народы отъ этого прилагательнаго образовали нарицательное названіе своей аристократіи: *Magnas, Magnates*, отъ *magnus* (великій); или *Гранды* Испанскіе, отъ *Grandis* (великій); другіе опять, отъ слова *высокій* (*procerus*), *Proceres Regni*, какъ это часто встрѣчается въ актахъ Венгріи; другіе, въ свою очередь, отъ прилаг. *лучшій*, *самый лучшій* (*melior, optimus*): *Res in Comitibus Regni ab Optimatibus constitutae*, и проч., или, Anno Domini 1269 in Halsingborgh in Parlamento per dominum regem Ericum de consilio *meliorum regni Daniae* celebrato statutum est, etc. etc.

Итакъ, всякій народъ выбираетъ прилагательное простѣйшее и ближайшее къ понятію своему о силѣ и власти; такимъ образомъ, Южно-Россъ, человека богатаго и сильнаго называетъ *великомощнымъ*, Полякъ *вельможнымъ*, Велико-Россъ *Вельможею*; всѣ три по Латини *magnificus, magnas, магнать*, какъ говорится *.

Болгаре, напротивъ, образовали отъ сравнительной степени (*magnus, великій, major болше*) свое *болъръ* (*major, майоръ*). Форма на *арь, ярь, тьрь, ерь* у Болгаръ простонароднѣе, то есть, употребительнѣе, нежели у Россіянъ; пбо они и тамъ ее употребляютъ, гдѣ сѣи послѣдніе прибѣгаютъ къ другой формѣ. Вообще, *арь* выражаетъ свойство, или родъ занятія, на пр., *писарь, книгарь, овцерь, подрумарь* (смотрящій за дорогами), *другарь* (спутникъ, товарищъ), *кабларь* (сборщикъ податей), *вишарь* (сборщикъ десятины винограду), и проч. По этой же формѣ образовалась *болъръ* съ удержаніемъ генетическаго *ль*. Слѣдственно, *Болъръ* у Болгаръ есть тоже, что у Рускихъ *Вельможа*, *Magnas, Грандъ*. Наконецъ, къ *Болъръ* приложена форма *инъ*,—*Болъринъ*.

Слово *Болъринъ* исключительно принадлежитъ одному Болгарскому нарѣчію; оно не употребительно ни въ Сербскомъ, ни въ Кроатскомъ, ни въ Далматскомъ, ни въ Русскомъ, ни въ какомъ другомъ Славянскомъ нарѣчіи, въ коихъ идею власти выражаютъ другими словами. Кромъ этого филологическаго факта, Болгарское происхожденіе слова *болъринъ* доказываетъ лишнее окончаніе

* А пышншіе Сербы отъ этого же прилагательнаго, *велий*, произвели *великашъ*, О. Бодлискій.

инъ, т. е., Болгаре до того пристрастны къ формѣ *инъ* или *анинъ*, что ставятъ ее и тамъ, гдѣ она не нужна. Конечно, они имена народовъ, или лицъ, по ихъ происхожденію, правильно оканчиваютъ, на пр., Сслуяннинъ, Россіянинъ, Болгаринъ, Таліанинъ и проч.; однако, они подъ эту форму подводятъ и тѣ имена, которыя въ Русскомъ употребительны и безъ *инъ*, на пр., *Турчинъ*, *Сербинъ*, *Жидовинъ*, *Угринъ* (Венгръ) и проч. Этого мало; названіе офицерскихъ чиповъ сгибаютъ очень часто по своему: *майоринъ*, *офицеринъ*; прилагаютъ даже это окончаніе и къ такимъ именамъ, коихъ форма и значеніе имъ извѣстны; такъ, на пр., хотя знаютъ, что *Московъ*, употребляемое Турками, значитъ Россіянинъ; хотя это же слово выговариваютъ еще иначе (Московецъ), все таки говорятъ и *Московинъ*; такъ и къ Турецкому *Сейменъ* (общественный стражъ),—*Сейменинъ* и проч.

Итакъ, появленіе *инъ* окончанія въ словѣ *Болгаринъ* (или *Бояринъ*), есть чистый и (второй) исключительный Болгаризмъ.

Что касается до правописанія этого слова, то я повторю, что оно должно писаться *Болгаринъ*; выговаривается самими Болгарами, смотря по провинціи, двояко: *Болеринъ* и *Болларинъ*, ибо Болгаре *ь* весьма часто, прсимуцественно въ однесложныхъ и производныхъ, произносятъ какъ *я*: *хлябъ*, *място*, *бъше*, *бляскавица*, вмѣсто *хльбъ*, *мьсто*, *бъше*, *бльскавица*; не смотря, однако, на выговоръ, пишутъ *ь*.

Обратимся теперь къ исторіи этого имени. Путь, которымъ это имя перешло изъ царства Болгарскаго въ царство Русское, было княжество *Басарабское* (Валахія) и *Молдавское*. Мы должны здѣсь замѣтить, что Басарабъ, или нынѣшняя Валахія, была удѣломъ князей Болгарскаго царствующаго Дома. По паденіи, въ царствованіе *Страшимира*, Болгаріи подъ него Турецкое (въ концѣ XIV вѣка), одинъ Басарабъ оставался за Болгарами: въ немъ — то, съ 1340 годовъ до XVIII вѣка, или до возведенія Фанаріотскихъ Грековъ, царствовала линия *Владиславлевичей*. Между тѣмъ, Молдавское княжество образовалось отдельно; столицю его былъ городъ *Сочава*, что нынѣ въ Буковинѣ, у границъ Молдавіи. Молдавія населяема была Русскимъ племенемъ, извѣстнымъ у Нестора подъ именемъ Тиверцевъ и Угличанъ. По нашествіи Татаръ, большая часть жителей бѣжала въ Карпатскія и Трансильванскія горы. Часть потомковъ этой Тиверской и Угличкой Руси и доселѣ существуетъ въ самой

гористой части Буковины и Станиславовскаго округа въ Галиціи, въ Мараморошскомъ и Угочевскомъ жупанствахъ въ Венгріи; известны они подъ именемъ *Мараморошской Руси*, числомъ около 100,000; эта отрасль Русскаго народа, въ одѣяніи, въ ухваткахъ, нравахъ; отличается отъ всѣхъ прочихъ Русскихъ племенъ; по древнѣйшему ихъ сосѣдству съ Болгарами, какъ Задунайскими, такъ и Басарабскими, эта вѣтвь представляеть въ себѣ много Болгаризмовъ. Другая же часть Тиверской Руси, простиравшейся по рѣку *Сереть*, разбрелась отъ Татаръ по Трансильваніи и Болгаріи, гдѣ и потеряла свою народность. По прекращеніи Татарскаго нашествія на Молдавію и Венгрію, бѣжавшая въ горы Карпатскія Русь опять спустилась на равнины по рѣкамъ *Сочавъ* и *Молдавъ*; между тѣмъ какъ приморская часть той страны осталась впродъ, изъ опасенія отъ Татаръ, необитаемою. Такъ образовалось княжество Сочавское, названнос *Молдавскимъ*. Всѣ акты или дѣла въ Басарабскомъ Государствѣ, до XVIII столѣтія, производились на *Болгарскомъ* нарѣчїи, а въ Молдавскомъ княжествѣ на *Русскомъ* (Южномъ).

Итакъ, слово Бояринъ, въ Басарабскихъ или Волошскихъ Актахъ, постоянно пишется *Болъринъ*, по Болгарскому или подлинному его правописанію, на примѣръ:

Въ Грамотѣ Господаря *Влада*, отъ 1441 года, отъ 30 Іюня, данной Снѣговскому монастырю объ увольненіи его отъ разныхъ повинностей областныхъ, между прочимъ, сказано: освобождается имѣніе его „отъ овчїи вамы, отъ свинїи вамы, отъ пчеларства, отъ кѣбларства, отъ винарича, и отъ дикмы отъ сѣна и отъ сѣнокоса, отъ повоза отъ подводъ рекше отъ всакия службы и дажбы, елика се находятъ въ земли Господства ми .... И да не смѣтъ позабавити тїазн ссла ни судець, ни глобникъ, ни бирчїй, ни кто отъ *болъръ* и отъ слугъ Господства ми, посадаемыхъ по милоствхъ“ и проч.

Или, въ Грамотѣ Господаря *Александра Мирчевича*, данной 1573 года, Октября 23: „Почтенному властелину и прьвому свѣтнику, Жупану *Драгомиру*, великому Дворнику“ объ утвржденїи за нимъ спорныхъ его вотчинъ, надъ которыми наряженъ былъ Боярскїй судъ изъ 12 Бояръ, о дѣйствїи коихъ говорится слѣдующес: „*Таже те 12 БОЛЪРИ* суть ходили и гледали и иштїиствовали суть, како есть покупили *Скуртуль Армашь* тѣчию една уже дела (участка) *РАДИВОЕВА* и отъ уже *ДРА-*

ГЕВА другаго дела а по много ница; и ходили суть и хотарисали (размежевали) те 12 БОЛЪРИ кунно и съ БОЛЪРИНОМЪ Господства ми," и проч.

Такимъ образомъ пишется слово *Болъринъ* во всѣхъ Актахъ Басеарабо-Болгарскихъ.

Въ Актахъ Молдавскаго Княжества встрѣчается и *Болъринъ*, и *Бояринъ*, на пр.:

Въ Грамотѣ Гоенодаря Стефана, данной въ Сочавѣ, 1446, Января 25, Михаилу Логовету: „Оже тогъ истинный нашъ вѣрный БОЛЪРИНЪ Панъ Михаилъ Логоветъ служилъ намъ право и вѣрно, тѣмъ мы видѣвши его правую и вѣрную службу до насъ, жаловали есмь его особюю нашею милостію, и дали есмь ему у нашей земли одно село отъ нашихъ селъ на имѣ Ловци наши на Бистрици, що суть помѣже Крачунова Камене.“ Въ подтвержденіе Грамоты прибавлено: „А на то есть вѣра Господства ми вишеписанаго Стефана Воеводы и вѣра БОЛЪРЪ нашихъ.“ „Писалъ эту грамоту въ Сочавѣ дьякъ Стецко.“

Въ Грамотѣ Господаря Петра отъ 22 Сентяб., 1447 г., о томъ же Михаилъ Логоветъ: „Оже придоша предъ нами и предъ нашими БОЯРИ Панъ Михаилъ Логоветъ и братъ его Дума," и проч. Въ заключеніе: „А при томъ Мартори (свидѣтели) наши БОЯРИ, Панъ Дума Браевичъ, Дворникъ“ и проч. „Писалъ эту Грамоту въ Сочавѣ дьякъ Лука.“

Въ Грамотѣ Стефана (писанной въ Сочавѣ 1446 года, Янв. 16), данной Остапкъ Огорицкъ, выставлено „и вѣра БОЛЪРЪ нашихъ Молдавскихъ.“

Въ Манифестной или Окружной Грамотѣ Стефана (писанной у Новомъ Градѣ отъ Романова Тръга, 22 Января, 1479), въ которой объявляетъ о признаніи имъ и боярами Протектуры Польскаго Двора надъ Молдавіею, между прочимъ: „Оже, съобуемъ и съобили есмь и обѣщавомъ лепѣйшему и освѣченому Господареву Нашему Милостивому Казимировъ, Кролевъ Польскому и великому Кнѣзю Литовскому и дядичю Русскому и Кнѣзяти Прусскому и Жомошскому и шѣмъ многымъ землямъ Господарю на то...абихомъ стъ съ его освѣченой Млѣи видѣли и голдовали мы съ усми нашими БОЯРЫ подлугъ старого обичая.“ и проч. Это мѣсто изъ Молдаво - Русской Грамоты показываетъ, что *ъ*, въ подражаніе Валахо-Болгарскимъ, употреблялось иногда вмѣсто *я* и въ Молдавіи, какъ это видимъ въ словѣ

Кильзю и *Кильжати*, между тѣмъ какъ въ другихъ словахъ (*Кролевъ Казимировъ*) вмѣсто *и* (*Кролеви Казимирови*), по обычаю Южно-Русскому.

Здѣсь должно замѣтить, что въ Актахъ Молдавіи несравненно чаще пишется *Бояри* вмѣсто *Болъри*. Причина этому въ томъ, что жители Молдавіи произносили это Болгарское слово не такъ, какъ сами Болгаре. Это случается обыкновенно со словами, переходящими изъ племени въ племя, изъ нарѣчія въ нарѣчье. Не должно забывать, что Молдавію и Валахію населяли отчасти и Волохи, постоянно умножаясь новыми выходцами изъ Трансильваніи, ихъ главнаго жилища съ 840 годовъ, такимъ образомъ, въ этихъ двухъ странахъ произошла борьба между двумя языками, Болгарскимъ и Русскимъ съ одной, и Волошскимъ съ другой стороны. Такъ какъ Славяне имѣютъ необыкновенную способность изучать легко чужіе языки, а Волохи, напротивъ, гораздо труднѣе ихъ изучаютъ, и гораздо приверженнѣе къ своему языку, нежели Славяне, то въ этой борьбѣ между языками, по естественному слѣдствію, Славянскій долженъ былъ уступать постепенно Волошскому, такъ что Молдавія *оволошилась* до половины, а Басарабъ или Валахія почти всея, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ. Оволошненіе Болгарскихъ и Русскихъ Славянъ успѣшнѣе происходило въ XVIII столѣтіи, когда Славянскій языкъ былъ Фанаріотскими Греками изгнанъ какъ изъ церквей, такъ и изъ судилищъ. (Извѣстно, что такимъ же образомъ происходило и исчезаніе Славянъ Померанскихъ).

И такъ, въ члелѣ множества словъ Болгарскихъ и Русскихъ, принятыхъ въ Волошскій языкъ вмѣстѣ со всею гражданскою титулатурою, перешло и слово *Болъринъ* или *Болъринъ*. Слова эти въ другомъ языкѣ, болѣе или менѣе, должны были измѣниться, согласно съ причудами Волошкаго выговора. Такъ, на примѣръ, въ Болгарскомъ царствѣ было, между прочими, достоинство придворнаго *Дворника* (*Hof-meister*, *Magister Curiae Regiae*), *Погарника* (отъ слова *погаръ*, стаканъ, *Mundschenk*, *Magister Pincenarium*); эти слова Волохи персладили въ *Ворникъ*, *Пахарникъ*; *Воевода* въ *Вода*; *Болъринъ* у нихъ превратилось въ *Бояринъ*, потому что они и въ собственныхъ Волошскихъ словахъ избѣгаютъ умягченное *л*; такъ, на примѣръ, вмѣсто *Femella* (женщина) говорятъ *femeя*, вмѣсто *muliere* пишутъ *Муъре*, какъ и Французы, вмѣсто *raille*, *aïlle* говорятъ *пай*, *ай*. Волохи даже отбиро-

силы и окончаніе *инъ*, удержали однако *ль*, которое произносятся какъ *л*, слѣдуя, въ этомъ, Болгарамъ; пишутъ: *унъ бопръ*, одинъ бояринъ; *бопре*, *боприле*, чит. *боаръ*, *бойеръ*, *бойериле*.

Кромѣ этого преобразованія слова *Болпринъ* въ языкъ Волошскомъ, могло произойти еще другое въ языкъ Русскомъ. Остается вопросъ, какъ могло бы измѣниться Болгарское слово въ Русскомъ языкъ, когда множество другихъ Болгарскихъ словъ изъ Церковнаго языка привилось въ цѣлости на Русской почвѣ? Я не вижу никакой словопроизводной причины, по которой бы Русскій языкъ могъ допустить измѣненіе Славянскаго *Болпринъ* въ *Бояринъ*. Не смотря на это, Русь приняла измѣненное *Бояринъ*; единственная причина этому въ томъ, что измѣненіе не Русскаго слова не производило боли въ Русскомъ ухѣ; сверхъ этого, такъ какъ *Бояринъ* представляетъ сродственное созвучіе съ *бой*, или *боаться*, то и допущено въ техническомъ значеніи Гражданской титулатуры. Но это только причина, по которой *Бояринъ* только допущено въ Русскій языкъ; Молдавская Русь, а за нею и вся Россія, переняла это слово, по наслышкѣ, съ усть Волошкаго племени, съ которымъ она жила почти въ смѣси; а для уха Русскаго все равно было принимать это слово по Болгарскому, или по Волошскому выговору. Да еще, кажется, она должна была предпочесть послѣдній, потому что, по Болгарскому, *Бояринъ* названіе сана, какъ созвучное глаголу *болѣю*, не представляетъ ничего здравому смыслу; а объ сравнительной степени (*болѣе*) Южная Русь не могла думать, потому что произносить не *болше*, а *бильше*, *бульше*.

Нѣкоторые ученые дѣлали свои догадки о древности слова *Бояринъ*, что, дес, оно встрѣчается у Нестора при Владимірѣ Великомъ, а по другимъ, еще древнѣе въ Болгаріи, отъ того, что Греческія лѣтописи называютъ *Вѣладѣн* Вельможъ, сопровождавшихъ, въ 764 году, Болгарскаго Владѣтеля къ Греческому Императору. Если Несторъ упоминаетъ это слово ко времени Владиміра Великаго, то это доказываетъ, что *Бояринъ* было употребительно на Руси уже въ исходѣ XI вѣка; и почему не допустить, что и во время Владиміра, или Святослава. Впрочемъ, хотя и не имѣемъ именныхъ свидѣтельствъ объ этомъ словѣ изъ Эпохи до Христіанской въ Болгаріи и Россіи, однако, оно такого рода слово и понятіе, что спрашивать о его древности значило бы тоже, что и изысканіе о древности слова *нось*.

Но совсѣмъ другой вопросъ будеть: *Какимъ образомъ слово бояринъ распространилось изъ Болгаріи по другимъ племенамъ, и какое значеніе имѣло оно, т. е., на какихъ правахъ находилось боярство въ разныхъ странахъ Восточной Европы, по которымъ оно распространилось?* Вотъ вопросъ, на который не найдешь удовлетворительнаго отвѣта ни въ словопроизводствѣ Карамзина, ни Г. Булыгина, утверждающаго, что „въ сихъ двухъ словахъ (*бой* и *ярий*) совершенно выражается качество боярина, какъ бы управляющаго ходомъ боя.“ Но Г. Булыгинъ забываетъ, что люди, *управляющіе ходомъ боя*, назывались пароднымъ племенемъ, *Воеводами*.

Не стану распространяться объ этомъ вопросѣ, для рѣшенія котораго должно бы подробно вникнуть во внутреннее устройство Восточно-Европейскихъ обществъ среднихъ вѣковъ. Состояніе *боярства* (аристократіи) было различно, и развивалось при различныхъ обстоятельствахъ въ *Болгаріи*, *Венгріи*, *Басарабѣ*, *Молдавіи*, *Литво-Русскомъ Великомъ Княжествѣ* и *Царствѣ Московскомъ*.

Феодализмъ Западной Европы имѣеть, отчасти, другой отъенокъ отъ *боярства* (*le boyarisme, la grandezza des Slaves*) Восточной, ибо оба происходили изъ двухъ разныхъ источниковъ.

Въ VIII и IX вѣкѣ вся Европа раздѣлена была на двѣ колоссальныя Имперіи, Имперію Западную, Карла Великаго, и Имперію Восточную, Болгаро-Русскую, Аттилы. Сей послѣдней нанесли два сильныхъ удара, Карлъ Великій и Олегъ. По свидѣтельству Арабскихъ писателей (утверждающихъ, что Болгаре говорили на одномъ языкѣ съ Козарами, а по словамъ Ибнъ-Фоцлана, на Славянскомъ) Болгаре владѣли по Вятку; по свидѣтельству Русскихъ Лѣтописей по Могилевъ и Витебскъ; по свидѣтельству Греческихъ, Адрианополь, Салоникки и Аѳины; и, наконецъ, по словамъ Франкскихъ, взымали подать по Богеміи, Баваріи и Саксоніи, гдѣ и содержали на квартирахъ войска свои.

Имперія Аттилына была прочнее и долговременнее; Аттила имѣлъ нѣсколько великихъ преемниковъ: *Болна*, *Карана* (противника Карла Великаго), *Владимира II* (въ крещеніи Симеона, сопостата Олегова), и *Самуила Мокраго*. Карлъ Великій не имѣлъ великихъ преемниковъ, и Имперія его вскорѣ разстроилась.

Замѣтимъ мимоходомъ, что три человека двигали жизнью Европейскаго человечества въ продолженіе почти 1900 лѣтъ:

Юлій Цесарь, Аттила и Карлъ Великій. Первый установилъ и упрочилъ то диктаторское давленіе, которое оказывалъ всегда Римъ на внутреннее устройство народовъ, окружавшихъ Имперію. Кажется, что независимыя племена, примыкавшія къ предѣламъ Имперіи, по одному отталкивающему вліянію Римскихъ пограничныхъ войсковыхъ линій, должны были превратиться въ разбойничьи наездническія шайки. Со времени Юлія Цесаря не было между Римлянами и независимыми племенами ни Актовъ, ни договоровъ, ни сдѣлокъ, ни честнаго слова; и тѣмъ и другимъ стѣбло только собраться въ извѣстномъ мѣстѣ, переправиться черезъ линію, ограбить, сжечь окрестности, угнать скотъ, людей, возвратиться съ добычей, или быть прогнанными обратно: *Barbari victi atque intra fines suos repulsi*: вотъ постоянный исходъ войнъ народовъ съ Римлянами. Подобное, постоянное, такъ сказать, *черкешенствованіе* стѣсняло народы, остервеняло ихъ, не позволяло развиваться ихъ общественности; постоянная тревога отъ легкой нарушимости спокойствія, война и грабежъ поглощали все другія занятія и постановленія народовъ: не было настоящей торговли и промышленности, кромѣ грубой мѣны въ пограничныхъ городахъ. Если иное племя, пользуясь дружбою и миромъ съ Римомъ, стало процвѣтать, то не могло избѣгнуть упретательнаго покровительства Италиі; тогда дѣло совершалось интригами и дѣла принимали оборотъ по желанію Рима. Словомъ, военныя линіи, посреди Европы, давили, душили ее; народы грубѣли, ожесточались; надъ ними исполнялась пѣснь Царственнаго Пѣвца: *Съ преподобнымъ преподобенъ будещи, съ неповишимъ неповишенъ, а со строптивымъ развратишися*. Ни союзы народовъ, ни 300,000-ная армія Аларика и Радогостя не могли ни уничтожить, ни отодвинуть этотъ воиный кордонъ.

Аттиль это удалось; въ слѣдствіе побѣдъ надъ Византійцами, первымъ его стараніемъ было отодвинуть Римскія границы къ Балканамъ; слѣдствіемъ его похода въ Галлію было освобожденіе Франковъ и Визиготовъ отъ вліянія Римлянъ; слѣдствіемъ его похода въ Италию было отпаденіе отъ нея Тироля, Штиріи и Иллиріи. Словомъ, отъ Варны по Пиреней, вездѣ сдвинута Аттилою пограничная линія Римлянъ. Народы Европейскіе стали дышать свободнѣе, устраниваться по своему; Аттила прекратилъ навсегда политическую монополію Рима, и, только подъ прикрытіемъ его терпимости, тотчасъ стали появляться первыя кочид-

фикаціи Европейскихъ племенъ: *Lex Salica*, *Lex Ripuariorum*, *Burgundiorum*, *Alemannorum*, *Frisiorum*, *Varinorum* въ Помераніи.

Аттила скончался, и на мѣстѣ его кончины тотчасъ собранъ Конгрессъ правителей Европейскихъ народовъ, говоритъ его Историкъ. Это былъ и древнѣйшій Конгрессъ,—Конгрессъ Европейской свободы, независимости; Конгрессъ, на котораго предсѣдательствовалъ скипетръ Аттилы. Отдѣльныя кодификаціи народовъ Западной Европы, независимое развитіе обществъ Западныхъ, выводитъ наружу характеръ и образъ мыслей Аттилы—Царя Царей. Пріемники его не покушались болѣе, нежели отцу, на свободу Запада, и это обстоятельство многимъ подало поводъ утверждать, будто Имперія Аттилы разрушилась, распалась вскорѣ послѣ его смерти, не смотря на то, что Карлъ вель съ его потомками, въ Австріи и Панноніи, семилѣтною войною, спустя еще 350 лѣтъ.

Эти 350 лѣтъ, со смерти Аттилы по Карла Великаго, составляютъ *вѣкъ Аттилинъ, вѣкъ Кодификацій, вѣкъ освобожденія Европы отъ Рима*. Народы и общества установились: Франкія, Вест-Готія, Вандалузія, Общества Германскія, даже и жители Панноніи, Норика, эти *Словенцы* и *Крашцы*, со времени Императора Августа лишенные правъ гражданской самостоятельности, со времени взятія Аттилою Аквилы, появляются въ Исторіи въ видѣ независимаго общества, и помогаютъ, такъ называемымъ, Аварамъ осаждать Царьградъ. Вѣкъ Аттилы отличается по всей Европѣ ненавистью къ Старому и Новому Риму (Царьграду), и ко всему Римскому. Если ненависть и противоборство можетъ быть сильна въ политическомъ отношеніи, то не менѣе рѣзко отчерчивается оно и въ религіозномъ: Независимая Европа предалась Аріанизму; въ Старомъ и Новомъ Римѣ народы ненавидѣли вмѣстѣ и Православіе по тому именно, что оно было Римское, такъ что Аттилинъ вѣкъ можно назвать *Persecutio Vandalorum, Гониміемъ Вундальскимъ*. Римъ, наконецъ, достигъ послѣдней точки своего униженія: Генсерикъ ограбилъ его, Осодорикъ (Великій) Велимировичъ насылалъ ему свои указы изъ Равенны; со времени Іустиніана Епископы Римскіе, въ случаѣ уклоненія отъ вѣрности, судимы и наказываемы были Царьградскимъ правительствомъ. Но,

Наконецъ, появился защитникъ Рима, Карлъ Великій. Греческое иго надобно Италіи; такъ какъ дѣла Византійцевъ, какъ на

Востокъ, такъ и въ Сициліи противъ Арабовъ, не всегда происходили счастливо, а сверхъ этого, Болгарское Царство заслоняло Италію отъ Цариграда, то Италианскіе патріоты, а въ числѣ ихъ и Римскіе Епископы, стали оглядываться; надежды свои возымѣли они на возрастающее могущество Франковъ. Уже нѣсколько разъ уличало Цареградское правительство Римскихъ Епископовъ въ политическихъ комплотахъ, не бывъ въ силахъ предупредить потерю Италиіи. Известно, что Равеннскій Экзархатъ отнять Франками; хотя невозможно было превратить Италію въ Провинцію Франціи, но честолюбивый Карлъ умѣлъ ее оставить за собою, провозгласивъ себя Римскимъ Императоромъ. Онъ слышалъ, что Римскихъ Императоровъ (такъ назывались Цареградцы) коронуютъ Патріархи, какъ Епископы города Царствующаго. За дѣломъ не стало: Римскій Епископъ принялъ титулъ Патріарха, чтобы, по Цареградской формѣ, облечь Карла въ санъ Императорскій.

Это обстоятельство для обѣихъ сторонъ было выгодно: для Карла, въ титулѣ Императора заключалось владычество надъ Италіею; для Патріаршества Римскаго, дарованныя огромныя помѣстья. Съ того времени коронованіе сдѣлалось, на Западѣ, политическимъ обстоятельствомъ; кто хотѣлъ быть Императоромъ Римскимъ, тотъ долженъ былъ короноваться въ Римѣ, а до того могъ называться только *Rex Romanorum*. Такимъ образомъ, Императоры стали имѣть пужду въ Римскихъ Патріархахъ, которыхъ и согласіе и священнодѣйствіе сдѣлалось необходимымъ для достиженія Престола. Такъ какъ, во время Имперіи, обыкновеннѣе всего провозглашали Императорами Гвардейскія войска, или же арміи, расположенная по провинціямъ, то, въ этомъ отношеніи, Карлъ V. вручилъ Римскимъ Патріархамъ власть Римскихъ Гвардейскихъ и полевыхъ легионовъ!

Цареградскіе Патріархи въ той же столицѣ короновали Императоровъ, въ слѣдствіе опредѣленія Сената, или вліянія какой либо сильной партіи; но Римскіе Патріархи были въ другихъ отношеніяхъ къ Имперіи, преимущественно, когда Императорскій престолъ изъ Франціи перешелъ въ Германію. Тогда, Римскій Патріархъ былъ: 1) иностранецъ для Императоровъ; 2) Владѣтельное лицо Церковной Области; 3) судья, или даже покровитель, одного или другаго изъ претендентовъ на Императорскій престолъ. Такимъ образомъ, отношенія между Патріархами и Им-

ператорами всегда, болѣе или менѣе, запутывались, такъ что, по свойству условій, Императоры всегда находились въ зависимости. Известно, сколько неприятностей наносилъ Римъ правительству Германіи, съ самаго начала борьбы между Вельфами и Гибелинами; сколько отлученій отъ Церкви, сколько униженій предстало Императорамъ!

Взявъ верхъ надъ Императорами, Патріархамъ легко было оказать свою власть и надъ Королями Франціи, Кастиліи, Арагоніи, Англіи, Шотландіи, Даніи, Швеціи, Польши, Сициліи. И здѣсь, вездѣ Патріархи, чрезъ Архіепископовъ, имѣли вліяніе на коронованіе Королей. Непослушные Государы находились всегда въ опасности быть лишеными престола и докончить жизнь свою въ заключеніи. Никогда, во время Тиберіевъ, Веспасіановъ, Траяновъ, Діоклетіановъ, не путешествовали въ Римъ владѣтели побѣжденныхъ народовъ съ такимъ смиреніемъ, какъ, напримѣръ, императоръ Фридрихъ IV и много другихъ. Разница между тѣми и другими была та, что первые ведены были насильно, подъ конвоемъ, изъ своей страны, занятой легіонами, между тѣмъ какъ Императоръ Нѣмецкій шествовалъ добровольно, босикомъ, чтобы поцѣловать ногу Папы; а Датскій Король всѣзъ съ собою драгоцѣннѣйшихъ Русскихъ соборей и лучшихъ сельдей, чтобы испросить у Папы позволеніе не ѣздить по объѣзу въ Палестину. Эти *новые триумфы* Рима были гораздо важнѣе триумфовъ Лукулловыхъ и Тиберіевыхъ, которыя насильно тащили плѣнныхъ, прикованныхъ къ колесницъ побѣдителя: это просто значило *битъ лежачаго*, тогда какъ Папы были Государей народовъ могущихъ, независимыхъ.

Не стану исчислять здѣсь средствъ, которыми Римскіе Патріархи пріобрѣли столь необыкновенное вліяніе. Главнѣйшее состояло въ томъ, что, сперва, стоило увѣрить жителей Западной Европы въ *непогрѣшимости* Папы, и въ томъ, что они суть главы Церкви и намѣстники Спасителя на землѣ (*Vicarius Jesu Christi*), какъ они толкуютъ. Но, кромѣ сего условія, важнѣйшее средство къ распространенію Папской власти была отличною и строго устроенная Іерархическая организація. Папа учредилъ для себя Снатъ подъ названіемъ *Сонма Кардиналовъ*: это достоинство выше всѣхъ прочихъ духовныхъ чиновъ; по сему, Кардинальской шапки добивались, обыкновенно, первенствующіе митрополиты всѣхъ странъ Западной Европы. Такіе Кардиналы, при

посвященіи своемъ, обязывались на вѣрность своему духовному Самодержцу. Равно, Папы прибрали къ рукамъ право утверждать кандидатовъ всѣхъ Архітїископскихъ и Епископскихъ мѣстъ, такъ что настоятель всякаго прихода, зависимо отъ своего начальствующаго мѣста, непосредственно зависѣлъ и отъ Папы. Во всѣхъ странахъ въ сктеніяхъ упоминали Папу и тамъ, гдѣ не упоминали имени Государя, за исключеніемъ, можетъ быть, одной или другой страны.

Такимъ образомъ утвердилось непосредственное вліяніе Римскаго Двора и въ такихъ странахъ, въ которыя, во время языческихъ Императоровъ, ни когда не залеталъ Италіанскій воронъ.

Чтобъ укрѣпить эту безконечную духовную организацію, простиравшуюся отъ Торнео въ Финляндіи по самыя южныя берега Сициліи, отъ береговъ Вислы по Лиссабонъ, т. е., чтобы пресѣчь всѣ узы, которыя могутъ привязать чловѣка къ обществу, въ которомъ онъ живетъ, Римскій Дворъ запретилъ духовенству своего Исповѣданія вступать въ сунружество. Этимъ пресѣченіемъ мірскихъ отношеній между духовенствомъ и мірянами образовалась огромная іерархическая корпорація, коея неограниченнымъ повелителемъ былъ Римскій Патріархъ.

Независимо отъ этой корпораціи, которую можно бы сравнить съ дѣйствующею арміею, въ ея подкрѣпленіе учреждено было множество орденовъ монашествующихъ, на примѣръ, *Minoritae*, *Cistercitae*, *Camaldulenses*, *Franciscani*, *Dominicani*, *Piaristae*, *Premonstratenses*, *Jesuitae*, и проч., и проч. Монашествующіе имѣли свою отдѣльную отъ свѣтскаго духовенства организацію. Всякая страна имѣла изъ всякаго изъ этихъ орденовъ извѣстное количество монастырей; это количество того или другаго ордена управляемо было *Провинціаломъ*. Не рѣдко монастыри одной страны какого-либо ордена зависѣли отъ провинціала, жившаго въ другой, часто враждебной, области или странѣ; тогда титуловался, на пр., *Praepositus Generalis*, или *Praepositus Provincialis Ordinis V. Francisci per Ducat. N. N. et Provinciám N. N.* Монастыри по этому, большею частью, управляемы были не Эпархіальнымъ начальствомъ, а своими *Препозитами-Генералами*, которые, впрочемъ, могли относиться, въ особенныхъ случаяхъ, къ главнымъ Епископамъ той страны. Монастыри заключали въ себѣ родъ Папскаго гарнизона и представляли видъ мѣстъ, дѣйствительно укрѣпленныхъ. Изъ этихъ укрѣпленій Папы налагали на Западно-

Европейскіе народы новое иго, тяжкое, глубоко проникавшее, сильно пугавшее образованность и развитіе государствъ; изъ этихъ крѣпостей, говорю я, Римъ налагалъ, навязывалъ пародамъ свой Римскій, свой Латинскій, языкъ.

Положимъ, что Турки завоевали Россію: изъ всѣхъ угнетеній и притязаній, которыя они могли бы сдѣлать Россіянамъ, что могло бы быть оскорбительнѣе того, если бы они заставляли Россіянъ всѣ свои акты, исторіи, дѣла, даже поэмы, повѣсти и пѣсни писать по Турецки, и если бы, для сего, принуждали Русское юношество терять по *шести* или *семи* лѣтъ въ изученіи этого языка? Но этого примѣра не дѣлали ни Татары, владѣвшіе Россіею, ни Турки, завладѣвшіе царствами Греческимъ и Болгарскимъ; но чего не сдѣлали Турки и Татары, то сдѣлали съ Западными народами Италіанскіе патріоты.

Если бы прѣбылъ въ Европу Японскій ученый путешественникъ, объѣздивъ бы всю Западную Европу съ любопытствомъ обозрѣть всѣ письменные памятники народовъ *

Всякое слово можемъ объяснять двояко: а) его *происхожденіе*, словопроизведеніе; тогда мы обращаемся къ лексиконамъ, къ Грамматикамъ; б) его *значеніе* во всѣхъ его отгнѣнкахъ; тогда мы обращаемся къ наукамъ. Г. Булыгинъ объяснял слово *Бояринъ* только въ первомъ отношеніи; но изъ его объясненія выходитъ, что у него *Бояринъ* не имѣетъ рѣшительно никакого значенія. Если *Бояринъ* былъ политическое лицо, то, объясняя значеніе этого слова, слѣдовало войти въ *политическое, гражданское* его значеніе. Но, объясняя такимъ (настоящимъ) образомъ слово, изыскатель долженъ былъ углубиться въ соображенія, которыя могли открыть ему прекрасное поприще и занятіе; тогда-то значило бы *говорить о дѣлѣ*, а не о пустомъ словѣ.

Избѣгая такимъ образомъ *пустословія*, отыскивая дѣйствительное значеніе *Боярина* въ обществѣ, преслѣдуя состояніе его во всѣхъ странахъ, гдѣ только былъ *Бояринъ*, Г. Булыгинъ сдѣлалъ бы Гигантскую услугу исторіи. Но для этого слѣдовало перечесть всѣ уложенія *царства Болгарскаго* съ Сербіею, всѣ уложенія королевства *Венгерскаго* съ Трансильваніею и Кроаціею, всѣ уложенія *Молдавіи* и *Валахіи*, всѣ уложенія *Польши* съ *Красною Русью*, всѣ уложенія *Пскова* и *Новгорода Великаго*, всѣ уложе-

* Пробль.

нія царства *Московского*. Шутка ли имѣть терпѣніе перечестъ все этѣ кнѣи какому-либо темному челоуѣку; но это для Профессора составляетъ пріятное развлеченіе, пріятный долгъ, тѣмъ больше, что всякій Профессоръ не любитъ *пустословить*. Объ этомъ прекрасно выразился и самъ Г. Булыгинъ: „Мы не должны удерживать себя отъ порывовъ дѣлать собственныя догадки, могущія служить отчасти къ *пополненію* прежнихъ розысканій, отчасти же къ *представленію предметовъ темныхъ* съ новой точки зрѣнія. Кто можетъ отвергнуть истину, что для *усовершенствованія наукъ* потребно время и *совокупныя* труды, *сколь* возможно *большаго числа* людей ученыхъ!“

Я совершенно согласенъ съ этимъ мнѣніемъ и, въ оправданіе сего, съ особнымъ удовольствіемъ *совокупляю* свой трудъ съ трудомъ Г. Профессора Булыгина, *къ пополненію* розысканій.“
Мое замѣчаніе въ томъ, чтобы мы впредь построжее отличали *дѣло отъ пустословія*; а второе въ томъ, что вмѣсто того, чтобы ссылаться на Пинкертонъ, Капфига, Тьерри и на *Ярловъ* Шведскихъ и Англосаксонскихъ, слѣдовало лучше перелистовать все кнѣи Уложеній вышеупомянутыхъ Государствъ Восточной Европы, въ которыхъ дѣйствительно употреблялось слово *Бояринъ* и имѣло свои не большіе оттыки въ значеніи. Это было тѣмъ необходимо, что настоящая Исторія Восточной Европы также хорошо у насъ обработана, какъ и Исторія Готтентотовъ. Мы не должны забывать, что Европа исторически подраздѣляется только на двоякую, на Западную и Восточную; что Государства, общества Восточной развивались *подъ другими* и, отчасти, противоположными условіями, нежели Государства Западной. Итакъ въ числѣ этихъ Восточно-Европейскихъ условій важнѣйшую роль игралъ *Бояринъ*.

Къ несчастію, мы, Восточане, очень мало знаемъ о самихъ себѣ; но, *за то*, мы *болыно* знаемъ, *доуже* знаемъ *Западъ*, потому что мы читаемъ и по Французски, и по Англосаксонски, и по Исландски; у насъ Thierry, Capefigne, Guizot, Pinkerton, какъ на ладони; за то, обо всемъ, даже о самихъ себѣ, даже о Калмыкахъ по этѣмъ книжечкамъ! Все, о чемъ мы умѣемъ толковать, о чемъ беремся разсуждать, есть бѣдный, несчастный *Феодализмъ*. Не рѣдко, слова: *Феодаль*, *Грандъ*, *Аристократъ*, вырываются у насъ безъ связи, безъ смысла, безъ опредѣленія. Да и за это еще *спасибо* Карлу Великому, а то безъ него мы зачались бы отъ бездѣлья съ своими сосѣдами, съ Чингисханомъ, Тамерланомъ и Батыемъ!

Впрочемъ, что за польза, что затолкъ и въ толкахъ, хотя бы самыхъ высшихъ, о *Феодализмѣ*, объ *Аристокраціи*, если мы не имѣемъ ни малѣйшаго понятія о *Боярствѣ* Государствъ Восточной Европы? *Да и возможно ли понять и оцѣнить вполне духъ Запада, не зная подробно его противоположности на Востоку, не зная, говорю я, Боярства?*

Съ этой точки зрѣнія, я долженъ признаться, что Г. Булыгинъ, заговоривъ о Боярствѣ, поднялъ трудъ гигантскій; и если бы не ссылаясь на Шведскіе словари и Пинкертонъ, то выступилъ бы соперникомъ знаменитому Guizot; онъ бы ему выказалъ Востокъ Европы, весь его характеръ, о которомъ мало знаетъ самъ онъ, Г. Гизо; онъ изумилъ бы его, когда бы ему, Г. Гизо, доказалъ; что Французскій Король пожаловалъ его ни во что другое, какъ только въ *Бояре*, если велѣлъ ему засѣдать въ своей *Боярской Думѣ*.

По настоящему, не слѣдовало бы никому, между Казанью и Москвою, толковать о *Феодализмѣ* до тѣхъ поръ, пока изыскатели о *происхожденіи наименованія Бояринъ* не кончатъ свой подвигъ; но какъ, впрочемъ, пересыпать изъ *пустаго въ порожнее* есть самое невѣрное занятіе во время бездѣлья, то почему не толковать объ томъ всякому *вдоль и поперекъ*?

Какъ бы то ни было, но *Боярство*, какъ черта одной Восточной Европы, дѣйствительно существовало, преобладало. Эту *Grandezza Slava*, этотъ *Boyarismus* должно отличать отъ *Вассаловъ*, отъ *Феодаловъ* Латинской и Тевтонской Европы. Его хорошо отгнѣять всякая, умно написанная, *всеобщая Исторія Восточной Европы*.

Я не намѣренъ входить здѣсь въ историческія подробности, но прибавлю еще только два, три указанія, болѣе относительно употребленія названія *Бояринъ*, нежели его власти и дѣяній.

Псковъ имѣлъ своихъ Бояръ, которые правили дѣлами своего города и области. Такъ, на пр., Псковской лѣтописецъ говоритъ.

Подъ 1398 годомъ: *Тогожъ лѣта послаша Псковичи Князя Григорія, и Посадника Сысоя, и Романа Посадника, и иныхъ Бояръ въ Новгородъ; ониже пхавше взяли миръ вѣчный съ Новыми Городомъ.*

Въ 1410 г. *Тогожъ лѣта, мѣсяца іюля 28, Посадникъ Псковскій Ларіонъ и Посадникъ Иванъ и Микула и иныхъ Бояръ*

много пѣдиша подѣ Кирияпигу, и взяли миръ съ Княземъ Местеромъ и со вѣтми Нѣмцами, а прочь Новагорода и прочь;

Въ 1461 г., Пріѣхалъ посолъ отъ Великаго Новагорода во Псковъ, Посадникъ Карпъ и дружина его, по челобитью Нѣмецкому и по ихъ сроку, и поѣхаша съ нимъ Князь и Посадники и Бояри Псковскіе на Озолу и на Жалочко, и досмотрѣли того обидного мѣста, оже та земля и вода Святыя Троицы, а поганыи Нѣмцы, узнавши свою вину, ие сташа на тотъ срокъ, и Князь Александръ со Псковичи много ждавши поганыхъ, отѣѣхаша прочь.

Можно видѣть, что Бояре, предсѣдательствуемые Посадниками, управляли дѣлами какъ вѣншними, такъ и вѣнтреними. Но въ Псковскомъ обществѣ Бояринъ не представлялъ той величавости, которую онъ могъ имѣть въ политическихъ дѣлахъ болѣе обширныхъ, каковы были Литвороссія и Царство Московское.

Извѣстно, что вся почти Южная Русь, послѣ неудачъ и испытаній при Рюриковичахъ, стала снова сосредоточиваться подѣ знаменами новой Русской Династіи, и власть Кіева перенесена въ Вильну, потому что Кіевъ былъ почти на границѣ противъ Татаръ; такимъ образомъ Вильна сдѣлалась матерью Южныхъ Русскихъ городовъ.

Между тѣмъ, прежде еще Красная (Червенская) Русь присоединилась къ Ляхамъ въ видѣ приданого, и съ обидою въ правахъ малолѣтнаго наследника дому Рюрикова. Между тѣмъ какъ Рюриковичи въ Сѣверной Руси, терзая другъ друга, подчиняли почти весь Сѣверъ владычеству Татаръ; между тѣмъ какъ они же, Рюриковичи, самую Южную Русь упустили подѣ прѣбладаніе Завислящевъ (Поляковъ), то Литво-Русскій Домъ, пригребая къ себѣ обломки Россіи, спасалъ ее отъ совершеннаго порабощенія. Было время, что, изъ подѣ Вязмы по Днѣстръ, Русскій народъ кланялся Вильнѣ; было времячко, что Вильна была Архи-Русскій городъ. Вскорѣ, Литво-Русскому Дому посчастливилось не только возвратитъ къ Россіи Червенскую Русь, но даже присоединитъ къ Россіи много странъ Завислянскихъ, т. е., Ляховъ, Силезію, Пруссію, часть Помераніи. Это точно произошло; это точно совершилъ Литво-Русскій домъ въ лицѣ Ягайла, который, обручившись съ Ядвигаю, наследницею Польши и Кра-

спой Русь, взошелъ на Завпяляпекій престолъ подь именемъ *Владислава*. Такимъ образомъ, со времени соединенія Россіи съ Ляхо-Русскимъ Королевствомъ въ 1413 году, составилось огромное Государство, которое, по большому праву и преимуществу, слѣдовало всегда скорѣе называть *Россіею*, нежели *Польшею*. Все клонилось къ тому, что и Сѣверная Русь, отъ раздоровъ между Сѣверными Рюриковичами, присоединится къ этой могущественной Россіи. Было время, петинно критическое, въ которое стояло только Вильнѣ имѣть на престолѣ своемъ отважный характеръ, и она, можетъ быть, навсегда осадима бы Москву; и наоборотъ, Сѣверь могъ отстоять себя подь строгою палицею: *Сѣверъ нуждался въ грозномъ характерѣ, и Провидѣніе послало ему Грознаго*. Грозный отстоялъ Сѣверъ въ продолженіе 50 лѣтъ; Грозный наследовалъ, послѣ отца, Княжество, а оставилъ, послѣ себя, Царство. Въ Грозномъ слилае кровь двухъ современныхъ Русскихъ Династій, Гедимшовская и Рюриковская; по прекращеніи Ягайловичей, Россія (Литва) звала грознаго Москвитянина на свой Всероссійскій престолъ; въ этомъ интересовалась весь Русскій народъ отъ Ладоги до Карпатскихъ Альповъ. Но Римская Пропаганда уязвила Русскій народъ въ живѣйшемъ, въ самомъ народномъ, его дѣлѣ; она возвела на Россійскій престолъ домъ Шведскій и Езуитовъ, и тѣмъ отложила соединеніе Россіянъ на нѣсколько сотъ лѣтъ (съ 1815 года). *Можетъ статься, что вышестся еще кака-либо Пропаганда, которая будетъ толковать, что Вильна и Люблинъ не Русская земля, а невѣжество станетъ этому върять и поддакивать.*

Но не будемъ невѣждами, и обратимся къ слову. Ляхи находились отъ Гедимшовичей въ большой опасности, нежели Москва; они находились въ опасности *обрусьтъ*. Ягайловичи или Русская Династія на Польскомъ престолѣ, дѣйствительно оказывали сильное пристрастіе къ своей Россіи: все тѣ преимущества, которыми пользовалось Польское дворянство, Ягайловичи предоставили и Русекому Дворянству въ Польшѣ; но, на оборотъ, неохотиле давали они привилегіи Полякамъ въ своей Россіи. На Казимира IV до того даже негодовали Поляки за его чрезмѣрный Русенизмъ, что хотѣли было помышлять о другомъ Королѣ. И Унія и гоненіе на Русь начато только Династіею Шведскою или Вазы, со времени Жигмунта III-го. Судьба

хотѣла, чтобы скипетръ, и креслы, и свѣтлица Владиміра Великаго, и Ярослава мудраго, и Мономаха воинственнаго, перешли въ руки потомковъ Густава Вазы; Владиславу же IV едва было не досталась и палача Грознаго!

Такъ какъ *Вильна* гораздо скорѣе и быстрѣе устроилась политически, нежели *Краковъ*, или *Москва*, то она и вниманіе историка должна обратить на себя, прежде, нежели Краковъ или Москва. Замѣчательно, по крайней мѣрѣ, то, что и Краковъ и Москва, въ юридическомъ отношеніи, какъ увидимъ ниже, отчасти подвергались вліянію Вильны.

Не смотря на политическое свое соединеніе съ Королевствомъ Ляхо-Русскимъ, Россія эта (Литво-Россія), въ правительственномъ отношеніи, всегда была отдѣльна отъ Короны Польской: она имѣла свои отдѣльныя министерства, и отдѣльныя финансы, отдѣльныя войска, отдѣльныя сѣймы; этого мало, Литво-Россія имѣла отдѣльное свое *Уложеніе* или *Конституцію* (*Статутъ*), писанное по *Русски* такъ, какъ и всѣ акты и бумаги ея, отъ начала до конца, всегда писались по *Русски* (но не по Московско-Русски). Самыя Короли Литво-Русскаго Дому выдавали, въ Краковъ, по *Русски* свои постановленія, относительно дѣлъ Литво-Россіи.

Первый зародышъ вольности Польскаго дворянства оказывается при Казимирѣ В., но больше еще распространялъ ихъ король *Лудовикъ* Венгерскій и Польскій, тесть Владислава Ягайлы. Главная причина этому была та, что *Лудовикъ* хотѣлъ привлечь Поляковъ въ пользу дочери своей, *Ядвиги*; по этому и уравнивалъ Поляковъ въ правахъ съ правами дворянства Венгерскаго. Литво-Русскій домъ продолжалъ оказывать Полякамъ свои милости.

Россія имѣла уже свое *Уложеніе* прежде Поляковъ и самыхъ Венгровъ, свою *Русскую Правду*; но дальнѣйшее устройство общественное Россіи не могло совершиться въ томъ началѣи, въ безглавіи, въ которое вовлекли ее Рюриковичи. Можно было предвидѣть, что когда-либо воспослѣдуютъ въ Россіи новыя *Уставы*. Литво-Россія сперва, какъ и всѣ другія Государства, управлялась больше *обычаями*, т. е., законами неписанными (*legibus consuetudinariis*). Первые *права* и преимущества происходили отъ Велико-Княжеской милости и благоусмотрѣнія. Первое

право дворянина было судить и рядить, и давать правду землянину отъ имени Велико-Княжескаго.

Конечно, многія наказанія увѣковѣчились въ обычаяхъ; за извѣстные проступки налагались извѣстныя пени, за извѣстныя отношенія извѣстныя дани. Такъ, на примѣръ, подать *веверками, куницами*, существовавшая въ Россіи до Христіанства, продолжалась до недавнихъ временъ, по лѣсной части Южной Руси, за позволеніе бракосочетанія.

Однако, такъ какъ оцѣнка наказанія происходитъ отъ оцѣнки вины, и какъ въ разныхъ проступкахъ бываютъ безчисленныя отѣнки, и какъ вся масса оцѣнщиковъ или судей была весьма разнообразныхъ способностей и характера, то дѣла наказательныя и правосудіе не могло быть предохранено отъ кривосудія и обидъ. Вотъ почему взвѣшеніе и оцѣнка всѣхъ отѣнковъ въ проступкахъ и отношеніяхъ была всегда и самою *трудною*, и самою *необходимюю* наукою народовъ. Надобно имѣть *самое доброе* и, вмѣстѣ, *самое безпристрастное* сердце, чтобы быть вѣрнымъ цѣнителемъ; этого мало, надобно имѣть самый проницательный, ясный и обширный умъ, чтобы обозрѣть все, почти необозримое, *царство случаевъ* въ дѣлахъ человѣческихъ; это для того, чтобы во всемъ этомъ царствѣ была одна пропорція въ оцѣнкѣ. Это трудъ гигантскій и вмѣстѣ гениальный. Римляне, въ продолженіе болѣе 1200 лѣтъ, трудились и копили новыя замѣчанія и постановленія, пока, наконецъ, родился изъ этого вѣковаго наблюденія *Кодексъ* Императора Іустиніана. Я хотѣлъ только сказать, что дорого достается народамъ *Праведное Уложеніе*, которое бы обняло до послѣдней жплинки *общественной* жизни, какъ *Анатомія, Физиологія* и *Паталогія, человѣческой*.

Всякая литература начиналась *Поэзією*; Законодательство или кодификація начиналась *карательными* мѣрами. Общество похоже на человѣка, на котораго можемъ дѣйствовать, въ его младенчествѣ, не столько убѣжденіемъ, сколько наказаніемъ. По мѣрѣ образованія народа уменьшаются и измѣняются и наказанія. И дѣйствительно, есть народы, которыхъ убѣдить можно только палками, и есть народы, для которыхъ слово, или простой крестъ, дѣйствуетъ не хуже палки. Такимъ образомъ, *lex Salica, Ripuariorum, Burgundionum, Alemannorum*, и другія древ-

пѣвшія *Правды* Европейскихъ племень были очень неполныя и недостаточныя Уложснн, потому что заключали въ себѣ почти одни *каранн*.

Такимъ образомъ и Саксонское древнѣйшее право (*Sachsen Spiegel*) составлено частнымъ лицомъ (Ерко Рерков) въ 1215—1235 годахъ, и заключаетъ въ себѣ, большею частью, карательныя обыкновеннн. *Schwaben Spiegel* собрано какимъ-то монахомъ въ 1268 и 1282 годахъ. Другн, какъ *Altfrisisches*, *Bairisches* 1346; *Nord-Frisisches* 1426; *Ditmarsches* 1447, и другн позднѣйшихъ временъ, представляютъ *собраннн обычаевъ*, сдѣланныя частными лицами; но въ этихъ собранннхъ не было ни системы, ни полноты, ни общей связи; даже сама Францн до Наполеона не имѣла ничего, кромѣ *Pays du droit coutumier* и *Pays du droit civil*; первое состояло изъ собраннн обычаевъ и, отчасти, изъ Королевскихъ постановленнй, а послѣднее изъ *Codex Justiniani*, Римское Право.

Но полныя систематическн Государственныя Уложенн въ Западной Европѣ начались въ наше только время: Прусское съ 1792 года; Французское (*Codex Napoléon*) съ 1804 года; Баварское съ 1811 года; Австрнйское съ 1812 года; Англичане и доселѣ не имѣютъ полнаго Уложенн, ибо ихъ *the Common Law* есть *собраннн обычаевъ* XI вѣка; и только въ 1828 году назначали они комиссню для пересмотрѣнн Законовъ.

Но обратимся къ Восточной Европѣ. Чапловичъ говоритъ, что и въ Венгрн были въ старину такн собранн, какъ Салическн законы, или капитуларн Карла Великаго. Но полное, систематически обработанное и Сеймомъ утвержденное въ началѣ XVI вѣка (1504) Уложене или *Codex* былъ трудъ Вербовскаго (*Verböcзы*), „между тѣмъ,“ прибавляетъ онъ, „какъ все другн государства Европы по исходу XVIII вѣка должны были по соблнать себѣ однимъ *Каноническимъ* и *Римскимъ* правомъ.“ См. *Ungerns Vorzeit und Gegegenwart*. *Wien*, 1830, стр. 52—53.

Мы должны, однако жъ, здѣсь замѣтить, что Чапловичъ ошибается, если полагаетъ, что одна Венгрн прежде всѣхъ Европейскихъ Государствъ устроила свое Уложене, свой Кодексъ. Довольно рано началось и Государственное Уложене Литво-Россн; уголовнос ея Уложене одобрено Казимиромъ IV въ 1492 году. Король Жигмунтъ I (Ягайловичъ) повелѣлъ, въ 1522 году, при-

вести въ одинъ Кодексъ и въ извѣстный порядокъ все Законы, привелегїи и постановленїя Литворускаго народа. Этотъ Кодексъ, извѣстный подъ именемъ перваго *Литовскаго Статута*, писанъ по Русски, подтвержденъ Королемъ, сталъ имѣть силу закона съ 1-го Января, 1530 году.

Но, какъ въ этомъ Статутѣ оказались нѣкоторыя противорѣчащїя постановленїя, и даже недостатки, то, по повелѣнію *Жигмунта Августа*, Сеймы Бѣльскїй (Въ 1564) и Виленскїй (1566) снова разсмотрѣли, дополнили этотъ Статутъ, который, отчасти, извѣстенъ подъ названїемъ *Вильнскаго Статута*; * онъ писанъ по Русски и раздѣленъ на 14 отдѣленїй.

Такъ какъ въ Статутѣ находились такїя постановленїя, которыя не допускали совершеннаго присоединенїя Литвороссїи къ Польской Коронѣ (на пр., что Полякамъ воспрещалось владѣть имѣніемъ въ Литвороссїи вельдствіе приданаго, или покупать безъ разрѣшенїя Литво-Русскаго Сената и Депутатской Камеры и т. п.), то Вазы, восшедши на Престоль, обязались дѣйствовать всеми силами въ пользу короны и Католицизма. Главнѣйшею мѣрою въ этомъ отношенїи были въ томъ, чтобъ устранить, или умягчить, *воспретительныя* (для Поляковъ и Католиковъ) постановленїя въ Литво-Русскомъ Статутѣ. Для этого, по повелѣнію *Жигмунта III* (Вазы), наряжена была Коммиссія изъ Литво-Русскихъ Депутатовъ. Въ ельдствіе измѣненїй и пополненїй составился *третїй или новѣйшїй Статутъ* Литво-Руссїи, утвержденный 28 Января, 1588 года.

Въ ельдствіе этой реформы въ Гоеударетвенныхъ постановленїяхъ Южно-Русскаго Гоеударетва, въ ельдствіе, такъ называемаго, *исправленїя правъ наследства*, былъ открытъ и облегченъ Полякамъ и Католикамъ путь въ недра Литво-Руссїи и самой Краеной Русї. Съ тѣхъ поръ только етали появляться на Русї Католическіе мужья, которые, съ 1600 годовъ, етали строить Католическіе монастыри разныхъ орденовъ за свое душеспасенїе. Эти монастыри, умножаясь въ ельдствїи, представляли настоящїя Ложї тайной пропаганды. Такимъ образомъ, со времени Шведской Династїи на престоль одного изъ Русскихъ Го-

* Виленскаго?

сударствъ, начинается эпоха соблазновъ, домашней несправедливости и преслѣдованія, которыя отравляли жизнь большей половины Русскаго народа, отъ Витебска до границы Молдавіи и Карпата. По это будъ сказано въ скобкахъ.

Сѣверная Русь или Царство Московское не уступало ни Венгріи, ни Ляхо-Россіи, ни Литво-Россіи въ направленіи къ общественному устройству; ибо въ тоже время, когда Сеймы Венгерскій, Польскій и Литво-Русскій занимались кодификаціями, и Царь *Іоаннъ Васильевичъ* принялся *Густиніанствовать*, и палата Бояръ Московскихъ уложила извѣстный *Судебникъ* Царя Іоанна Васильевича. Конечно, могло быть тогда не мало людей въ Москвѣ, которые не много или почти вовсе не отвѣдывали Юриспруденціи; однако, я полагаю, что *здравый смыслъ человѣческій* былъ одинъ и тотъ же во всѣ вѣки и эпохи человѣческаго мышленія; и на оборотъ, и нынѣ могутъ встрѣтиться Бояре со слабыми головами, точно такъ же, какъ и во время Іоанново. Впрочемъ, въ формѣ и изложеніи кодификаціонномъ Москвѣ пособила Вильна. Знаемъ, что Литвороссы имѣли великое вліяніе на дѣла Московскія, и что не одинъ Литво-Русскій Дьякъ вступалъ въ службу Московскую, гдѣ грамотность не была еще въ такомъ ходу, какъ въ Южной Россіи. Можетъ быть даже, опытные филологи найдутъ не мало Литворуссизмовъ въ слогѣ Іоаннова *Судебника*.

Въ послѣдствіи, *Судебникъ* пополненъ, объясненъ, преобразованъ при Царѣ *Алексѣѣ Михайловичѣ*, и переименованъ въ *Уложеніе* (*Institutiones*). Нынѣ отечественная Юриспруденція (*Уложеніе*) доведена до той системы, усовершенена до той точки, въ которой видимъ *Сводъ Законовъ*, какъ плодъ попеченія Русскихъ Монарховъ.

Итакъ, Восточная Европа, въ общественномъ своемъ устройствѣ, была сама себя примѣромъ; она опередила Западную нѣлькими столѣтіями. Это отъ того, что въ Восточной Европѣ прѣобладало только *Боярство*.

Что же такое *Бояринъ*? Чтобы объяснить это слово, мы должны прежде объяснить себѣ вопросъ: *Почему Западная Европа такъ далеко отставала отъ цивилизаціи Моско-Россіи, Литво-Россіи, Ляхо-Россіи и Венгріи?* (Положимъ даже, что этотъ вопросъ не много покажется парадоксическимъ).

Всѣ общества Западна управяемы были двумя властями, Папскою и Королевскою, Духовною и Свѣтскою; Государства Восточной управлялись одною единою, *единодержавіемъ*.

Римляне никогда не владѣли по сію сторону Рейна и Дуная, и большая часть народовъ Европы знала о нихъ только по наслышкѣ; ихъ тогда, обыкновенно, называли *Волохами*. Но, если бы эти Волохи завладѣли всею до Невы и до Лапоіи, если бы они вездѣ построили крѣпости и цитадели для своихъ легионовъ, если бы изъ этихъ крѣпостей распространяли свое судопроизводство и все дѣла заставляли бы производить на Римскомъ языкѣ, если бы, наконецъ, собирали подать и посылали въ Римъ, то Исторія сказала бы, что все эти страны находились подъ игомъ Римлянъ. Но, что не успѣли сдѣлать Римскіе легионы, то совершили легионы Бернардиновъ, Цистерциговъ, Францискаповъ, Доминикановъ, Пиаристовъ, Миноритовъ, Езуитовъ и другихъ. Следовательно, Западная и Сѣверная Европа, буквально, снова находилась подъ игомъ Рима до самой Лапоіи. Власть Рима поддерживала отлично хорошо организованная Духовная корпорація по всему Западу; эта корпорація имѣла вездѣ лучшія гражданскія права и преимущества: Трибуналъ ея доходилъ во многихъ мѣстахъ до терроризма (Инквизиціи).

Этого-то ига не знали Славянскія Государства, и ихъ общественность могла развиваться безпрепятственно, свободно. Но, какъ было развиваться кодификаціи Западныхъ Государствъ, если постоянно угрожала и мѣшала ей Каноническая кодификація, которая также всею могла завѣдывать, какъ и свѣтская; ибо, что на языкѣ Гражданскомъ называется *преступленіемъ*, то на языкѣ Каноническомъ очень достаточно именуется *грѣхомъ*.

Почти половина затрудненій въ человѣческихъ отношеніяхъ разрешались въ Римъ; помнится даже, что, во время Стефана Баторія и Іоанна Грознаго, Князь *Христофоръ Радивиль* долженъ былъ просить позволенія, словно пашпорта, у Папы на путешествіе въ Іерусалимъ. Сколько Порты ни деспотичествуетъ, но она никогда не воспрещала своимъ Христіанскимъ подданнымъ ѣздить въ Іерусалимъ, даже и билетовъ для этого не вводила.

Подробная исторія Католическихъ Государствъ покажетъ вамъ, что Римъ непосредственно управлялъ ими, и, въ понятіи народовъ, идея Папы была выше и священнѣе, нежели поня-

тія о вѣщенности, какъ шефъ или главѣ народа, и о его правахъ. Такъ какъ *Григорій VII* прекратилъ всѣ узлы, которыя могутъ связывать человека съ обществомъ, запретилъ вступать въ бракъ, то все духовенство вдругъ образовало сильную корпорацію, которой всѣ интересы сосредоточены были въ пользу Рима. Отрѣзанные отъ міра, они не принадлежали болѣе отечеству; вѣра въ непогрѣшимость Папы, строжайшая дисциплина, и ужасная клятва, дѣлала изъ нихъ вѣрныхъ воиновъ *Orbis Dominae*; они образовали страшный воинствующій классъ, который и самыя ихъ учителя называли *Ecclesia militans*.

Это воинство, собственно, не Спасителя, а Рима, управляя непосредственно народами въ самыхъ потаенныхъ его закоулкахъ, имѣло всѣ возможные средства къ поддержанію себя. Одно изъ нихъ было, введенное въ Иерархію, *Духовное мѣстничество*, т. е., аристократія; было постановлено (хотя и неодинаково во всѣхъ странахъ), что въ высшія духовныя мѣста могутъ быть возведены только Герцоги, Князья, Графы и Бароны: плебеи осуждены были на вѣчное капластво. Духовная аристократія завладѣла всѣми важнѣйшими Государственными мѣстами; во всякой странѣ Президентъ Сената, или Сейма, нецеремьно былъ Архіепископъ, что и называлось *Primas Regni*; Канцлеръ Королевствъ тоже Архіепископъ; Другіе Епископы были Членами Сенатовъ, Высшихъ Палатъ и другихъ Правительственныхъ свѣтскихъ мѣстъ. Стоитъ заглянуть въ Государственные акты всякой Западной страны, чтобы объѣхать глазами всю силу и вліяніе, которое имѣло на ходъ общихъ дѣлъ какъ Гражданскихъ, такъ и политическихъ.

Короли и народы находились всякій разъ въ опасности имѣть *сомнительныхъ* слугъ отечества; ибо люди, лишенные всѣхъ узъ и ощущеній, данныхъ природою супругу и отцу семейства, тѣмъ сильнѣе бросились на оставленную имъ одну только страсть — *честолюбію, честолюбію*. Епископская, Архіепископская, Кардинальская шапка были такія вещи въ глазахъ *лишнихъ* всего, за которыя не одинъ сынъ отечества дѣйствовалъ въ пользу Италіи, вопреки интересамъ своего отечества.

Духовенство подало собою мірянамъ примѣръ стремиться къ *исключительности* и *истерпимости*. Дворянство переняло преслѣдовательный духъ Римской Церкви.

У всѣхъ Католическихъ народовъ духъ дворянства былъ одинъ и тотъ же. Духовные Аристократы, духовные Рыцари, духовные Ордена до того умножили свои мірскія средства, что Короли и народы должны были думать о самихъ себѣ. Папская область представляла духовную монархію; въ подражаніе Папамъ, и примасы разныхъ странъ задумали устроить себѣ свои монархіи въ своемъ отечествѣ. Были страны, въ которыхъ третья часть Государства принадлежала монастырямъ и Высшему Духовенству; въ Германіи даже образъвались Церковныя области, какъ, на пр., Архіепископство *Кельнское* и *Трирское* (A-Eppatus Coloniensis et Trevirensis). Эти архіепископы имѣли и свѣтскую власть и достоинство Курфирстовъ, такъ какъ принадлежали къ числу *избирателей* (Electores Imperatoris); не скажу уже о множествѣ богатыхъ аббатствъ, равнявшихся богатствомъ съ небольшими пышными Герцогствами или Княжествами.

Короли и вассалы дарили имѣнія монастырямъ вмѣстѣ съ *властью*, т. е., исключали такія имѣнія изъ-подъ своего или общественнаго Правосудія, предоставивъ Аббатамъ *судить* и *рядить* новыми подданными съ верховною властью. Примеру Духовныхъ послѣдовали и міряне; *все лѣзло въ гору*: Бароны въ Графы, Графы въ Князья, въ Маркъ-Графы, Ландграфы, эти въ Герцоги, эти въ Великіе Герцоги и, наконецъ, въ Избиратели. Всякій старался выбраться изъ-подъ общаго уложенія, исключиться изъ-подъ общаго закона, всякій домогался *высшей степени*, несответственности, *личнаго исключенія*: это значило *privilegium* (лишеніе закона, исключеніе изъ закона, отъ слова *privo*, лишаю *lege*).

Множество такихъ *исключенныхъ* изъ-подъ закона имѣла Германія, Франція, Англія, Швеція, Данія; они судили и рядили у себя на жизнь и на смерть по своему *благоусмотрѣнію*, потому что не было у нихъ общаго Государственнаго Уложенія. Многіе Короли должны были вооружаться противъ злоупотребленія этихъ личныхъ правъ небольшихъ владѣтелей, располагать *жизнію* и *смертію* своихъ данниковъ. Но для этого надобно было имѣть сильный характеръ, потому что это значило нарушать права и вольности благородныхъ Бароновъ. Кромѣ права на жизнь и смерть другихъ, они имѣли и право *личной неприкосновенности* со стороны правосудія, потому что преимущественно въ этомъ состояло ихъ исключеніе изъ-подъ закона.

Вообще, *изъятыя* изъ-подъ Закона въ Западныхъ странахъ составляли вторую сильную (мірекую) корпорацію. Эта корпорація горю естояла за свою личную неприкосновенность и за свою частіцу верховной власти. Корпорація Церковная не могла парализировать этого ключа къ злоупотребленіямъ, даннаго Аристократамъ, потому что Каноническое право не распроетранялось на отношенія между верховною властію и Аристократами; но, за то, Короли неоднократно боролись съ Аристократією, хотя, впрочемъ, съ перемежающимися успѣхами.

Папы сильнѣе дѣйствовали на это соеловіе; они его поражали *анаѳимой* и *отлученіемъ отъ Церкви*; они цензоровали и входили даже въ семейственную, супружескую жизнь этихъ *великомощныхъ* господъ, и позволяли собирать для себя деньги въ приходахъ ихъ имвній. Не рѣдко, однако, оказывалась борьба между Духовенствомъ и Аристократами; тогда Правительство и сами Короли совершенно почти терялись въ этой суматохѣ и враждѣ сильныхъ земель. По характеру своему, объ партіи были непріязненны какъ Королямъ, такъ и развитію общей Кодификаціи. *

---

* Продолженіе не отыскано. *И Молнаръ.*